

у пионерского костра

В ШКОЛЕ И ДОМА

ДЕТГИЗ
1952

У пионерского костра

В 115

**В ШКОЛЕ
И
ДОМА**

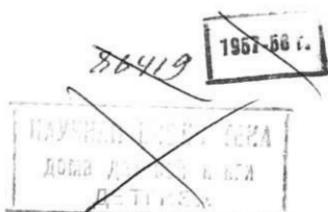
Стихи и рассказы

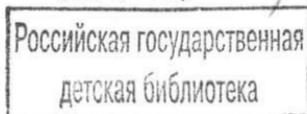
*Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1953 Ленинград*

СОДЕРЖАНИЕ

В Осеева. Экзамен. Из повести «Васёк Трубачев и его товарищи». Рис. П. Осовского	3
Зинаида Александрова. Прием в пионеры. Стихи. Рис. В. Щеглова	23
Инна Гофф. Ошибка. Рассказ. Рис. В. Ладягина	25
Андрей Иванов. Первое сочинение. Рассказ. Рис. А. Лурье	35
Александр Копыленко. Они выросли. Рассказ. Перевод с украинского В. Карасевой. Рис. И. Бруни	45
Сергей Смирнов. Наташе. Стихи. Рис. И. Бруни	53
Миколас Слуккис. Хорошо учись, мальчик! Рассказ. Перевод с литовского Э. Шишовой. Рис. С. Бродского	57

698034 КХ ред

В. Осеева

ЭКЗАМЕН

(Из повести «Васёк Трубачев и его товарищи»)

Елена Александровна медленно шла по улице. В глазах ее все еще стояли растерянные лица ребят. Что ждет их завтра? Она и сама была расстроена, не чувствуя твердой уверенности в том, что этот экзамен для всех ребят пройдет благополучно. В школу идти не хотелось — Леонид Тимофеевич сразу увидит, что она волнуется.

«У директора четыре глаза, — грустно улыбаясь, думает молоденькая учительница, — он видит сразу четырьмя: себя, меня, ребят и всю школу! Он обязательно догадается, что я беспокоюсь за исход экзаменов...»

Она сворачивает то в одну улицу, то в другую.

«Гуляю... — с горечью думает Елена Александровна. —

И ребята гуляют. А на сердце у меня и у них такая тяжесть... Только бы они перешли! Я буду с ними заниматься после уроков, я сделаю их круглыми отличниками... Интересно, кто будет экзаменовать? Если чужой, равнодушный человек начнет сухо задавать вопросы — собьет, перепугает... Надо бы узнать — кто, поговорить с ним заранее... Почему я так плохо думаю? Ведь в школу идут работать только те люди, которые по-настоящему любят детей... И все-таки надо поговорить. Надо что-то еще сделать — подготовить учителя, рассказать ему, что эти ребята не лентяи какие-нибудь, что если кто-нибудь и ошибется, то все же у них есть знания...»

Елена Александровна сворачивает к школе. Издалека видны зеленый забор и высокие ворота. За домом несколько школьников все еще докрашивают этот забор. На дворе беседуют матери, около них чинно стоят будущие первоклассники, лукаво поглядывая друг на дружку. По дорожке, заложив за спину руки, прохаживается учитель физики; в раскрытое окно видно, как учительница географии вместе с девочками вешает на стену карту. Еще какие-то незнакомые люди попадают на встречу. Елена Александровна быстрым, внимательным взглядом пробегает по лицам. Кто из этих новых людей будет завтра решать судьбу Трубачева и его товарищей? Кому она должна будет доверить своих ребят? Надо спросить директора. Он, конечно, уже знает.

— Здравствуйте! Здравствуйте, Елена Александровна! — радостно кричат школьники.

Несколько девочек срываются со скамейки и подбегают к ней:

— Вы куда? К Леониду Тимофеевичу? Он в учительской!

— К нему какой-то товарищ с фронта приехал! — шепчет черненькая девочка из третьего класса.

На крыльце школьный сторож с горячим чайником в руке обгоняет Елену Александровну и торопливо поднимается по лестнице.

— Позвольте, позвольте, — бормочет он, не замечая молоденькой учительницы и расталкивая школьниц.

«С ума сошел! — возмущенно думает Елена Александровна. — Чуть детей не обжег своим чайником!»

Она бегло спрашивает девочек о том, что они делают сейчас, пришла ли их учительница, познакомились ли они с ней.

Девочки залпом, наперебой сообщают, что учительница их очень хорошая — просто о-о-очень, о-о-очень! — что они с ней уже обо всем разговаривали в классе, что она сейчас придет и прочитает им книгу про всякие растения, что у них будет кружок садоводства... Елена Александровна кивает головой, улыбается. У двери учительской девочки тихо шепчут:

— Приходите к нам в класс! — и стайкой слетают с лестницы.

Елена Александровна делает спокойное, строгое лицо и открывает дверь.

На диване, спиной к ней, сидит приезжий товарищ с фронта. На нем военная гимнастерка и сапоги. Рядом, упиравшись обеими руками в колени, присел директор и что-то оживленно рассказывает, поблескивая очками и прерывая свой рассказ громким смехом.

Елену Александровну неприятно поражают этот смех и сияющее лицо Леонида Тимофеевича.

— Здравствуйте, — сухо говорит она.

Леонид Тимофеевич с юношеской живостью поворачивает к ней голову, спешно снимает очки.

— Ну вот! Вот! — весело говорит он. — Знакомьтесь: это та самая Елена Александровна, о которой мы только что говорили. А это... — директор лукаво щурит глаза, — товарищ с фронта. Вы немножко знакомы. Ну-ка, вспомните! Узнаёте?

Приезжий встает. Елена Александровна в замешательстве протягивает ему руку, смотрит на седые виски. Серые пристальные глаза останавливают ее внимание. В памяти мгновенно возникает пионерская комната, группа учителей на фотографии и среди них...

— Сергей Николаевич? — удивленно спрашивает она.

Приезжий, улыбаясь, кивает головой.

— Узнала! — радуется Леонид Тимофеевич и с отеческой лаской гладит учителя по плечу: — Вернулся к нам...

Елена Александровна неожиданно замечает черную пер-

чатку на левой руке Сергея Николаевича и поспешно отводит глаза.

— Ну вот, побеседуйте тут, потолкуйте! Мы уже договорились кое о чем. А я пойду похлопочу с Иваном Васильевичем по хозяйству. — Леонид Тимофеевич уходит.

Елена Александровна садится за стол. Она еще не может представить себе, что это тот Сергей Николаевич, о котором она столько слышала. Мысли ее возвращаются к ребятам. Вель это же их учитель! Вот где она найдет поддержку!

— Вы знаете... вы помните своих учеников — Трубачева и его товарищей? — торопясь и волнуясь, спрашивает она.

Лицо учителя темнеет, горькая складка ложится у губ, глаза делаются глубже и светлее.

— Я не могу не помнить их, — грустно улыбаясь, говорит он. — Я много горя пережил из-за этих ребят, Елена Александровна...

— Я не так сказала, — вспыхивает молоденькая учительница и начинает рассказывать о своих учениках. — Мы так старались... и они знают предмет, но ведь на экзамене всегда может быть какой-нибудь неожиданный вопрос. Многое зависит от экзаминатора. Если он чуткий человек, если он не отнесется безразлично к судьбе этих ребят...

— Надо верить в своих собратьев-учителей, — улыбаясь, прерывает ее Сергей Николаевич. В голосе его звучат строгие нотки.

Глаза у Елены Александровны темнеют, на губах появляется упрямое детское выражение:

— Надо хорошо знать этих ребят, надо понимать, что это наши лучшие отличники и пионеры. Нельзя поставить их в один ряд с теми лентяями, которые остаются на второй год. Новый учитель может этого не учесть! — резко говорит она. — В общем, я хочу побеседовать с тем, кто будет их экзаменовывать.

— Экзаменовывать их буду я.

— Вы?

— Да, я. Дело в том, что пока учились они, учился и я. И перед самой войной закончил заочное отделение математического факультета. Так что мы уже договорились об экзамене

с Леонидом Тимофеевичем. Но послушайте меня, Елена Александровна, — тепло говорит Сергей Николаевич и смотрит в настороженное лицо молодой учительницы. — Поймите меня правильно. Я знаю этих ребят, я горжусь ими, мне очень близко все, что их касается, но если вы хотите, чтоб я благодаря этому делал им какие-то послабления, экзаменовал их легко и пристрастно...

— Я не прошу вас об этом! Я сама учительница! — гневно перебила его Елена Александровна. — Я просто хочу, чтоб, экзаменуя их, вы учитывали всё. И я ручаюсь, что через месяц они будут отличниками в шестом классе.

Учитель встал.

— Не волнуйтесь, — тихо сказал он, — я все учту.

Елена Александровна смутилась и замолчала. Учитель отошел к окну. Он стоял прямой и спокойный. Левая рука его в черной перчатке неподвижно лежала на подоконнике.

И вдруг он наклонился вперед, порывистым движением распахнул окно. Елена Александровна поспешно встала, взглянула на улицу.

Во двор школы входили ребята. Они шли нога в ногу, плечом к плечу. На белых майках алели пионерские галстуки. Издали казалось, что это идет маленький отряд.

Сбоку, откинув назад золотой чуб, шагал командир отряда.

Елена Александровна взглянула на лицо учителя. Живой, горячий румянец покрывал его темные щеки, он улыбался, серые глаза его светились неустойчивой радостью.

* * *

— Ну вот... всю душу перевернули, — сморкаясь в большой клетчатый платок, говорил школьный сторож.

Сергей Николаевич стоял на крыльце, тесно окруженный ребятами. Снова, как когда-то, прощаясь на шоссе, он крепко держал в правой руке маленькие, верные руки...

— Мы никогда, никогда не забывали вас, Сергей Николаевич! — обнимая его и утыкаясь головами в гимнастерку, повторяли ребята.

Сергей Николаевич, осторожно освободив правую руку, молча гладил прильнувшие к нему головы.

Собравшись около крыльца, взрослые и дети, растроганно улыбаясь, смотрели на встречу учителя со своими учениками. Витя Матрос, взобравшись на пожарную лестницу, не отрываясь глядел на Трубачева, на чужого человека, приехавшего с фронта, на всхлипывающих девочек и, вспоминая своего брата, моряка Черноморского флота, крепче прижимался щекой к железным поручням.

— Ну что же вы, хозяева, окружили гостя со всех сторон и не даёте ему с крыльца сойти! — громко пошутил Леонид Тимофеевич. — Покажите лучше своему учителю новую школу, классы... Ведь Сергей Николаевич ещё не огляделся хорошенько и не знает, какую мы здесь работу провели!

— Да-да, я слышал от Леонида Тимофеевича, что вы с ним пришли на пустырь, к разбитому дому, и построили себе школу! — подхватывая шутку директора, улыбнулся Сергей Николаевич.

— Мы не строили, мы только помогали, — заулыбались и ребята.

Лида вытерла глаза.

— Пойдемте, Сергей Николаевич, пойдемте! У нас такие хорошие классы! И пионерская комната!..

Одинцов что-то быстро шепнул Трубачеву. Васёк кивнул ему головой.

— Пойдемте в пионерскую комнату! — снова завладев рукой учителя, заторопился он.

— Давайте сначала осмотрим дом снаружи... Вот я уже вижу, что во дворе можно разбить сад, — сходя с крыльца, сказал учитель.

— Да, сад! И яблони! Когда Вася уезжал... — быстро начала Лида.

Но Петя Русаков тихонько дернул ее за руку:

— Молчи пока! О Васе потом скажем.

Лида замолчала, испуганно прикрыв себе рот ладонью.

Учитель засмеялся:

— А вы всё такие же! Ну что там за тайны у вас?

— Это не тайна, — смутилась Лида, — это просто один секрет. Скоро вы всё узнаете.

Учитель не ответил; по его лицу внезапно прошла тень, и оно сразу сделалось усталым и серым.

Ребята заметили это и притихли. Им показалось, что учитель вспомнил о своем отце. «Знает он или не знает? Вдруг спросит?» — с тревогой подумал каждый.

— Нам еще о многом нужно с вами поговорить... — запинаясь, сказал Васёк.

— Это потом, — тихо ответил Сергей Николаевич.

Подошел Леонид Тимофеевич. Они вместе осмотрели дом. Леонид Тимофеевич подробно рассказывал обо всех трудностях, которые пришлось пережить во время стройки. Многие в рассказе директора было новостью даже для ребят.

— Железо для починки крыши пришлось перевозить из Москвы. Памятка об этом путешествии у меня до сих пор осталась! — пошутил директор, показывая красный продольный шрам на ладони. — Ну ничего, справились, перевезли кое-как...

— Ой, а нас-то даже не взяли тогда! — с укором сказала Лида.

— Да уж мы всю дорогу с Миронычами горевали, что тебя с нами нет! — дернув Лиду за косичку, засмеялся директор.

Прошли по двору вдоль забора. Сергей Николаевич подробно расспрашивал обо всем — его особенно интересовало, что делали на стройке ребята. Иногда, указывая на что-нибудь, он машинально поднимал левую руку. Пальцы этой руки в черной перчатке были согнуты и неподвижны. Боясь неосторожно задеть большую руку Сергея Николаевича, ребята держались с правой стороны; они ничего не спрашивали: четыре ленточки на гимнастерке яснее слов говорили о том, что перенес их учитель.

Осматривая новый крашенный забор, Сергей Николаевич с большим вниманием выслушал рассказ о том, как бригада Трубачева чуть-чуть не проиграла соревнования и как на помощь к ним пришли Андрейкины земляки.

— Обязательно познакомьте меня с вашим Андрейкой! — сказал Сергей Николаевич.

Васёк вспомнил про Алешу Кудрявцева и подвел его к учителю:

— А вот Алеша Кудрявцев, мы с ним тоже дружим!

Сергей Николаевич кивнул головой, улыбнулся.

— На фронте был такой генерал Кудрявцев. Человек исключительной храбрости и благородства. Он очень заботился о людях, его все любили у нас. Во время одного воздушного налета он был тяжело ранен, но до конца боя не позволил увести себя в госпиталь, — сказал учитель.

Лицо Алеши вспыхнуло, глаза засияли, но он молчал.

— Это его отец! — указывая на товарища, гордо сказал Васёк.

— Твой отец? — Сергей Николаевич пытливо взглянул на мальчика. — Что же ты молчишь?

— Он не любит зря хвалиться, — одобрительно хлопнув Алешу по плечу, сказал Мазин.

— Не надо хвалиться, но можно и должно гордиться таким отцом! — значительно сказал учитель.

— Я горжусь! — тихо, с достоинством ответил Алеша Кудрявцев.

Ребята повели учителя в дом. Прошли коридор, показали Сергею Николаевичу будущий шестой класс.

— Вы, наверно, уже забронировали себе тут все места? — пошутил учитель.

Алеша взглянул на Васька и живо сказал:

— Нет еще... То-есть некоторые выбрали уже парты, конечно... А мы завтра выберем.

Ребята вспомнили об экзаменах, и у каждого в сердце шевельнулась прежняя тревога.

— Нам еще о многом нужно поговорить с вами, Сергей Николаевич, — снова тихо и серьезно сказал Васёк.

— Да, конечно. Но и это потом, — так же, как в первый раз, ответил учитель.

Перед пионерской комнатой ребята засуетились. Вытащили вперед Севу. Он немного упирался и громко шептал:

— Да я не сумею хорошо рассказать...

Сергей Николаевич с удивлением глядел на Севу. Малютин запомнился ему худеньким, болезненным мальчиком. На фрон-

те, думая об оставшихся на Украине ребятах, он очень боялся, что Сева не перенесет всех трудностей, которые выпадут на его долю.

Теперь перед ним стоял крепкий подросток с загорелыми от работы руками и румянцем на щеках.

— Ну-ну, Сева Малютин! О чем это ты хочешь мне рассказать? — спросил Сергей Николаевич, кладя руку на плечо Севы.

— Сейчас, сейчас! — заторопились ребята, открывая дверь в пионерскую комнату.

— Показывайте, что у вас тут! — сказал, входя, Сергей Николаевич.

Одинцов торжественно подвел его к фотографии. Учитель узнал себя, Митю, улыбнулся.

— Какой-то он стал теперь, наш Митя?

— Он герой! Партизан! — ответило ему сразу несколько голосов.

— Вот наш дневник. Здесь все написано, — сказал Одинцов, подавая учителю дневник.

Учитель узнал путевую тетрадь отряда.

— Вот это хорошо, что вы всё записывали! Я возьму эту тетрадь с собой, — сказал Сергей Николаевич.

Васёк подтолкнул Севу. Все ребята в нетерпеливом ожидании глядели на Малютина.

— Сергей Николаевич, садитесь, ладно? Мы должны вам что-то рассказать, — предупредил Васёк.

— Сажусь, ладно, — пошутил Сергей Николаевич, усаживаясь на диван.

— В госпитале, где мы работали, лежал один комсомолец — Вася. Его привезли зимой... — неуверенно начал Сева.

Лицо учителя стало очень внимательным. Сева говорил медленно, подыскивая слова.

— Вася рассказывал о своем командире, и мы слушали. Вася был подносчиком снарядов на четвертой батарее...

Учитель сделал неуловимое движение.

— Фашистские танки были разбиты... На батарее уцелело только одно орудие. Возле него осталось два человека — Вася со своим командиром. И тогда выполз еще один танк... Вася

был ранен, и он не знал, остановил или не остановил его командир этот танк...

— Остановил! — вдруг сказал Сергей Николаевич. Лицо его оживилось, глаза заблестели. — Где Вася?

Ребята бросились к учителю, заговорили все сразу:

— Вася уехал!

— Он так любил вас!

— Он все время рассказывал о вас!

Трубачев протиснулся к Сергею Николаевичу:

— Уезжая, Вася сказал: «Скажите ему, ребята: много Васей есть на свете и много у него в части красноармейцев, только, может, вспомнит он подносчика снарядов с четвертой батареей... Уехал, мол, на фронт в его шинели».

Сергей Николаевич встал. Глаза его смотрели через головы ребят куда-то далеко-далеко, словно он видел снежное поле и идущего по дороге молоденького красноармейца с винтовкой и вещевым мешком за спиной.

— До свиданья, Вася! — тихо сказал учитель. — Мы еще встретимся!

* * *

Темнело. В сумерках отчетливо выделялись побеленные мелом края тротуаров. Дома без огней с виду казались спящими, но на улицах былолюдно и оживленно.

Сергей Николаевич шел вместе с ребятами мимо знакомых домов и палисадников. Родной город навевал на него тихие, грустные воспоминания. Душа его была растревожена встречей с ребятами, всей знакомой обстановкой школы, от которой он был оторван в течение целого года.

«Как изменилось все за этот год! — думал Сергей Николаевич. — Сколько пережито!» Среди этих детей, которые ему стали так близки, нет маленькой девочки с золотистыми косами и голубыми близорукими глазами... В своем осиротевшем доме он уже не найдет верного друга — старого отца... И в нем самом что-то изменилось за это время — он уже давно привык стоять лицом к лицу с опасностью, он возмужал и окреп, суровая военная обстановка закалила его сердце. И все-таки сейчас горечь потерь чувствовалась все так же остро, как в

первый раз, когда он получил на фронте письмо Леонида Тимофеевича, сообщавшего ему о гибели близких.

Сергей Николаевич почувствовал вдруг, что он очень устал; больная рука его ныла. Он поглядел на ребят и улыбнулся им теплой, благодарной улыбкой.

Трудно войти одному в опустевший родной дом. Но он войдет не один... Ребята шаг за шагом идут рядом с ним. Они всё понимают. Сергей Николаевич сейчас для них не только любимый учитель — он близкий им, дорогой человек. И в то же время он тот бесстрашный командир, о котором говорил Вася, он защитник Родины. Узенькие цветные ленточки на зеленой гимнастерке наполняют их сердца гордостью.

Петя Русаков отвоевал себе шинель и, шествуя впереди, бережно несет ее на плече. Нюра крепко держит Сергея Николаевича за руку. Учитель несколько раз внимательно взглядывает на девочку. Давно ли прежняя Нюра Синицына, крикливая и глупенькая, ссорилась со всеми в классе, писала смешные и нелепые стихи!.. Сейчас она стала как будто взрослее и спокойнее, в ее глазах появилось новое, серьезное выражение, а в обращении с товарищами чувствуется глубокое дружеское понимание. Нюра идет с ним рядом, время от времени уступая свое место Лиде. Уступив, она самоотверженно шагает одной ногой по тротуару, другой по мостовой, чтобы все-таки быть ближе к учителю. С левой стороны, чуть-чуть боком, обратив к учителю свое круглое лицо, идет Саша Булгаков. Мазин, пробуя протиснуться вперед, наступает всем на пятки. Васёк Трубачев, Коля Одинцов и Сева Малютин идут впереди. Чем ближе к дому, тем беспокойнее у них на душе.

— Мы войдем все вместе, — шепчет Сева.

Вот и знакомое крыльцо. Сергей Николаевич поднимается на ступеньки, по старой привычке вытирает ноги о железный плетеный коврик. Дверной замок заржавел, дверь открывается с коротким скрипом.

— Войдемте! — говорит учитель и пропускает вперед ребят. Потом входит сам, зажигает свет.

На вешалке висят старое пальто Николая Григорьевича и меховая шапка. В комнатах стоит глубокая тишина.

Наглухо закрытые пыльные окна словно задернуты серой марлей.

Сергей Николаевич останавливается в первой комнате. Здесь все, как прежде. Письменный стол, диван, этажерка с книгами. Под стеклом в простой рамке — портрет Сталина.

Дверь во вторую комнату открыта. Там у стены кровать Николая Григорьевича, покрытая желтым байковым одеялом, маленький низкий столик. На столике — старые журналы, газеты...

Сергей Николаевич бросает беглый взгляд на пустую комнату отца и устало опускается на диван:

— Ну вот мы и пришли...

Ребята садятся рядом с ним. Они долго молчат. Потом Васёк, прижимаясь щекой к плечу Сергея Николаевича, тихо говорит:

— Тетя Оксана сказала: «Если доведется где повидать вам учителя, скажите ему, что отец умер, а сестра жива, помнит его...»

Ребята низко опускают головы.

Учитель сидит, не шевелясь, и задумчиво смотрит на ребят.

— Отец не любил, чтобы я опускал голову. Давайте послушаемся дедушку Николая Григорьевича, — ласково говорит он и, помолчав, добавляет: — Кто-нибудь из вас потом расскажет мне о гибели наших близких, а сегодня поговорим о текущих делах. Да попробуем соорудить чай. Ну-ка, девочки, похозяйничайте! В кухне есть чайник и примус, а в буфете, наверно, найдется прошлогодний сахар.

— У нас есть! Вот Иван Васильевич тут всего надавал нам, — торопливо разворачивая большой сверток, говорит Мазин. — Сейчас мы все сделаем!

Девочки идут на кухню. Учитель гасит в комнате свет и настезь распахивает окна. Вечерняя свежесть наполняет комнату; с улицы доносятся голоса идущих людей.

В кухне начинает шуметь примус. Мазин хватает мокрую тряпку и протирает в темноте стекла.

Сергей Николаевич тоже просит тряпку и, низко наклонившись над столом, перебирает запылившиеся книги.

— Откройте окно в той комнате! Сейчас проветрим и зажжем свет, — говорит он.

Васёк вместе с Лидой входят в комнату Николая Григорьевича. Лида раздвигает темные шторы и открывает окно.

-- Убрать бы отсюда скорее кровать! — шепчет она Ваську.

Сергей Николаевич слышит ее шопот и поспешно входит в комнату.

— Нет-нет, не будем убирать! Может быть, ко мне придет сестра, — говорит он.

Ребята улавливают в его голосе необычные для учителя нотки растерянности и вопроса.

— Тетя Оксана обязательно придет!

-- Она придет!

— Она придет! — перебивая друг друга, быстро говорят они.

Чай накрывают на маленьком столике. Держа в руках чашки, присаживаются на диван.

— Ну, а теперь давайте поговорим об учебе. Рассказывайте мне все. С кем вы занимались, что проходили по курсу пятого класса? — спрашивает учитель.

Ребята начинают рассказывать. Сергей Николаевич достает учебники.

— Это прошли?.. А это? — перелистывая страницы учебника, спрашивает Сергей Николаевич. — Если выдержите по арифметике, то вам останется еще русский язык, а по остальным предметам, может быть, Леонид Тимофеевич разрешит перевести вас условно.

— Мы ничего не боимся, кроме арифметики, — откровенно сознаются ребята.

— Мы боимся остаться на второй год, потому что ведь мы не лентяи какие-нибудь, — говорит Саша Булгаков.

— И еще мы боимся разлучиться, — объясняет Мазин. — Вдруг кто-нибудь из нас останется!

— Да, вдруг кто-нибудь не выдержит, что мы тогда будем делать? — подхватывают ребята.

Сергей Николаевич откладывает учебники:

— Судя по всему, что вы мне сейчас рассказывали, я думаю, что вы должны выдержать. Ну, а если уж случится, что

кто-нибудь окажется слабее других, то с этим надо будет мужественно примириться. Тем более, что никто не будет считать вас лодырями и лентяями. Бывает, что ученик остается по болезни, по не зависящим от него обстоятельствам. В данном случае причиной является война. Конечно, это будет для всех нас большая неприятность, но о разлуке тут говорить не приходится. Предположим, вас посадят в разные классы. Так разве настоящая дружба забывается? Дружбя часто разлучаются на долгие годы, уезжают в другие города, и от этого их дружеские чувства нисколько не меняются. Если, конечно, это настоящая дружба! Ваша дружба сложилась за годы совместной учебы, в тяжелые дни она выросла и укрепилась. Так как же может быть, чтобы ваши отношения изменились только потому, что вы попадете в разные классы! Я, например, за эти месяцы узнал короткую и случайную, но не менее крепкую фронтовую дружбу. Под вражеским огнем стояли мы с комсомольцем Васей у орудия. Стояли насмерть, плечом к плечу. Потом расстались... Но ни один из нас не забыл друг друга.

— Но в разных классах у нас будет все разное... — попробовал еще сказать Петя Русаков.

— А как же после окончания школы, когда вы разлетитесь в разные стороны? Неужели, расставаясь, вы скажете мне и своим товарищам: прощайте, теперь у нас будет все разное, и мы забудем нашу школьную дружбу? — сказал Сергей Николаевич, пытливо вглядываясь в лица ребят.

— Нет-нет... никогда мы так не скажем... — смущенно засмеялись они, уверенные, что учитель шутит.

— Ну так вот, друзья мои! — с чувством сказал Сергей Николаевич. — Я понимаю, что вам будет тяжело, если кто-нибудь отстанет, но надо глядеть на вещи серьезно, по-взрослому. Во всех случаях жизни надо быть мужественными. Вы выдержали испытание мужества в труде и в учебе, давайте выдержим его и в этом случае!

Ребята поглядели друг на друга. Глубокая печаль была на их лицах. Но печаль эта была уже тихая, умиротворенная словами учителя.

— Если так случится, мы будем иногда устраивать общие

экскурсии, работать вместе в одних кружках... Собираются здесь, у меня, — добавил Сергей Николаевич и, поглядев на девочек, улыбнулся. — А кстати, я должен вам сказать, что у нас, возможно, вообще будет раздельное обучение. Школа для мальчиков и отдельная школа для девочек.

— Для нас? Отдельная девочкина школа? — живо переспросила Лида и вдруг вскочила: — Слышишь, Нюра? Наша, девочкина, школа будет!

— Не очень задавайтесь! — сказал Мазин. — Наша, мальчиковая, тоже будет!

Сергей Николаевич засмеялся:

— Ну, а дружба как же?

— Мы все равно будем дружить. Они нам как сестры. Только, правда, это очень интересно: отдельные школы... — задумчиво сказал Васёк.

Ребята оживились, заспорили, но учитель прервал их:

— Это еще впереди. А пока поговорим все-таки о завтрашнем дне. Экзаменовывать вас буду я.

— Ой, вы сами! — захлопала в ладоши Нюра.

— Сергей Николаевич, правда, правда? — допрашивали со всех сторон взволнованные ребята.

Сообщение учителя подбодрило и обрадовало их. Казалось, что одно присутствие Сергея Николаевича в классе придаст им завтра смелости.

— Мы даже и думать о таком счастье не могли! — говорил Сева Малютин.

Васёк крепко сжал руку учителя:

— Мы будем завтра стараться изо всех сил!

— Вот повезло нам! — крикнул Мазин.

— А ведь я все такой же строгий, — улыбнулся Сергей Николаевич.

— Мы знаем, — сказал Одинцов, — зато вы наш учитель, мы будем крепче держаться при вас.

Ребята вышли из дома учителя поздно.

Когда их голоса на улице затихли, Сергей Николаевич взял дневник и прошел в комнату отца. Опустившись на узкую постель, он долго читал правдивую повесть жизни — о честности, о мужестве, о безмерной любви к Родине.

692034

Российская государственная
детская библиотека

Васёк стоял у доски. За передними партами сидели его товарищи. В их лицах было напряженное внимание; они сидели прямо, не шевелясь и не спуская глаз с Трубачева. У окна за столом разместились учителя. Яркое осеннее солнце врвалось со двора, падало светлыми пятнами на крашеный пол и веселыми зайчиками поблескивало на темных очках Леонида Тимофеевича. Директор, откинувшись на спинку стула, внимательно наблюдал, как Трубачев решает на доске задачу. Елена Александровна сидела сбоку, положив на стол тонкую руку и глядя прямо перед собой. На столе лежала кучка оставшихся билетов. Сергей Николаевич стоял у окна, наклонив набок голову, и, не отрывая взгляда, следил за каждой появляющейся на доске цифрой.

Васёк отвечал первым. Когда все уже заняли свои места и ребята вытянули билеты, Леонид Тимофеевич спросил:

— Ну, кто из вас хочет отвечать первым?

Васёк оглянулся на побледневшие лица товарищей и медленно поднялся:

— Позвольте мне...

Как всегда, везде, в самом трудном деле Васёк Трубачев остался верен себе.

Сергей Николаевич кивнул головой. Васёк протянул свой билет учителю и подошел к доске.

Вся школа знала, что в этот час Трубачев и его товарищи держат экзамен. Около дома по дорожкам прохаживались бывшие одноклассники Васька.

— Его первого вызвали! — прыгивая с пожарной лестницы, сообщил Леня Белкин.

— Что ему дали? Какую задачу? — волновались ребята.

— Загляни еще раз в окно! Решает или нет?

— Не надо, собьете! Что вы делаете? — сердилась Надя Глушкова.

Но ребята осторожно подкрадывались к окнам.

В коридоре, около закрытой двери класса, безотлучно находились два недавних врага — Алеша Кудрявцев и Витя Матрос.

Прислонившись к стене стриженым затылком, Алеша глядел на потолок, крепко сдвинув темные брови. Витя Матрос беспокойно вертелся на месте, прикладывая ухо к двери, заглядывая в замочную скважину.

— Не надо, — шопотом останавливал его Кудрявцев, — тише!

Витя на минуту затихал. Он от всей души желал Трубачеву удачи и в то же время мечтал о том, что его бывший бригадир останется с ним в одном классе. Пережитые вместе волнения на стройке и мечта о море крепко связывали старшего и младшего товарищей. Витя горячо и преданно полюбил Трубачева. Васёк чем-то напоминал ему ушедшего на фронт брата... Витя ни за что не хотел расстаться с Трубачевым и не мог допустить мысли, чтоб такой парень провалился на экзамене.

— Как по-твоему, выдержит? — то и дело спрашивал он Кудрявцева, приближая к нему лицо с черными, жарко блестящими глазами.

Кудрявцев молча пожимал плечами.

В классе стояла тишина.

Витя снова заглянул в замочную скважину.

— Стоит! — испуганно сказал он.

— Как — стоит? Не решает? — встрепенулся Кудрявцев.

Васёк действительно стоял у доски в страшном затруднении. Он записывал на доске пример, но от волнения не мог вспомнить правило. Память вдруг изменила ему, все смешалось в его голове. Рука с мелом задерживалась на каждой цифре, он мучительно оттягивал время.

— Скажи правило, — напомнил Леонид Тимофеевич.

Васёк посмотрел на доску, опустил мел.

— Правило... — Щеки его побелели, губы тихо шевельнулись. — Правило...

В классе наступила гнетущая тишина. В расширенных глазах Лиды Зориной мелькнул испуг. Петя Русаков, забывшись, привстал на парте. Все лица вытянулись и застыли в томительном ожидании. Васёк не глядел на товарищей, но ему казалось, что он слышит в тишине, как громко и тревожно бьются их сердца.

— Трубачев, дай объяснение на примере, — заметив его затруднение, сказал Сергей Николаевич.

Но Васёк не слышал его слов. В глубоком душевном смятении он взглянул на Елену Александровну. Взволнованное, с потемневшими синими глазами, ее лицо напомнило ему вдруг, как в один из последних уроков, держа перед ним открытый учебник, она быстро листала его и горячо внушала: «Трубачев, запомни! Запомни глазами, запомни на слух!» Васёк как бы увидел в ее руках учебник, мысленно пробежал его глазами, оглянулся на доску и дрогнул от радости. Он вспомнил.

— Ну, говори! — облегченно и весело улыбнулся Сергей Николаевич.

— Сейчас! — громко сказал Васёк и четко, без запинки, словно читая по учебнику, ответил: — Чтобы разделить дробь на дробь, надо умножить числитель первой дроби на знаменатель второй, а знаменатель первой на числитель второй дроби, и первое произведение будет числителем, а второе знаменателем.

По классу пронесся радостный шум, лица ребят расцвели улыбками. Леонид Тимофеевич быстро протер носовым платком запотевшие очки.

— Уф! — громко, на весь класс, вздохнул Мазин.

Сергей Николаевич погрозил ему пальцем. А Васёк, словно освободившись от тяжелого груза, легко и непринужденно решал на доске пример.

Когда потом, бледный и возбужденный, он вышел из класса, две пары нетерпеливых рук перехватили его на пороге.

— Я, кажется, выдержал! — бегло сказал Васёк и оглянулся на закрывшуюся за ним дверь.

Там, в классе, остались его товарищи.

— Выдержал? Выдержал? — радостно переспрашивал его Кудрявцев.

— Выдержал? — упавшим голосом повторил Витя Матрос и, круто повернувшись, побежал по коридору.

— Что тебя спрашивали? Какие задачи? Почему молчал? — волновался Алеша.

Васёк качал головой и крепко сжимал его руку.

— Сейчас отвечает Мазин, — шептал он вместо ответа. Кудрявцев замолк.

Прислонившись к стене, оба мальчика стояли перед закрытой дверью класса.

Чуткое ухо Трубачева улавливало все звуки. Один раз ему послышался смех, и он тоже улыбнулся растерянной, непонимающей улыбкой. Другой раз до него долетел слишком громкий от волнения голос Лиды Зориной...

Ваську казалось, что там, за дверью, решается его собственная судьба. Минуты шли медленно. Наконец из класса, через долгие промежутки времени, один за другим стали выходить его товарищи. Каждый, шепнув ему несколько радостных и возбужденных слов, становился рядом, так же молча и напряженно вслушиваясь в неясные голоса, долетавшие из-за двери. Последним оставался Саша Булгаков.

Изнемогая от волнения, товарищи, сбившись в кучку, безмолвно ждали. Алеша глядел на их лица и в первый раз в жизни понимал, что такое настоящая дружба. Душа его ширилась и раскрывалась, ему хотелось быть таким же, как эти его новые товарищи.

Дверь снова отворилась.

— Саша!

Булгакова окружили, стиснули в объятиях.

— Чуть-чуть не сбился... а потом ответил все-таки... — заикаясь от счастья, бормотал Саша.

А в классе Леонид Тимофеевич, радостно потирая руки, поздравлял Елену Александровну:

— Ну, я даже не ожидал, что вы их так приготовите! Просто не ожидал! Я думаю, надо теперь будет проверить их только по русскому, по ботанике они прошли курс с Анатолием Александровичем, а по истории и географии можем перевести условно, если вы ручаетесь.

— Я ручаюсь! Они будут отличниками, вот увидите! — с детской радостью уверяла Елена Александровна.

Сергей Николаевич крепко пожал ей руку:

— Спасибо вам за моих ребят!

— Не мне, не мне — Екатерине Алексеевне спасибо, она так старалась, столько сил положила!

— Ее мы тоже поблагодарим отдельно, — сказал директор. — А пока позовите-ка сюда этих ребят, надо им сказать о результатах экзамена.

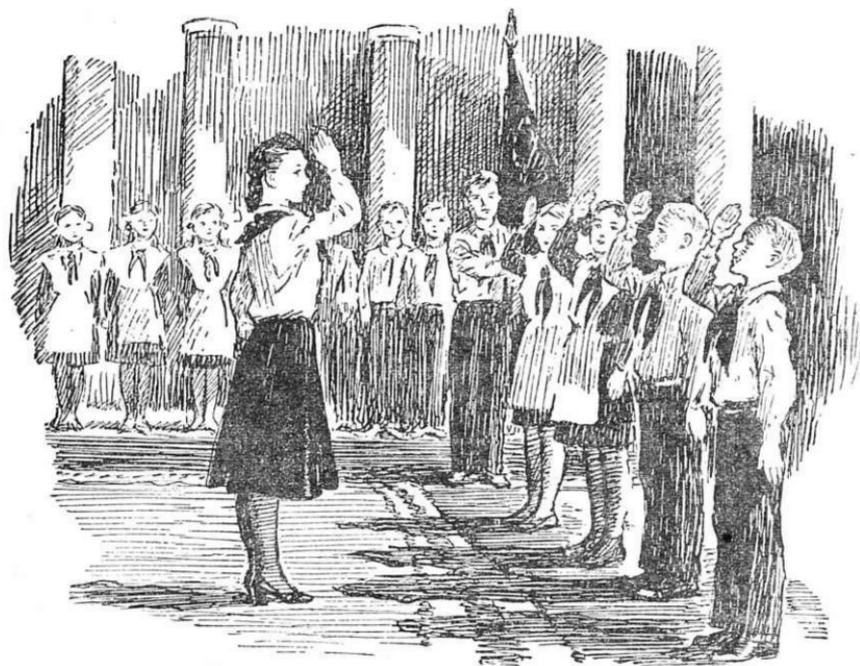
Елена Александровна широко распахнула дверь. Ребят не пришлось звать. Теснясь и толкаясь, они сами вбежали в класс.

— Поздравляю вас, вы уже почти шестиклассники! — сказал директор.

Буря восторга заглушила его слова. Со двора вдруг распахнулись настежь окна, и в них показались вихрастые головы школьников:

— Ура! Ура! Выдержали! Ура!

Зинаида Александрова

ПРИЕМ В ПИОНЕРЫ

Ветками высокий зал украшен,
Пахнет лесом свежая смола.
Старшая вожатая Наташа
Новичков торжественно ввела.

Строятся ребята на линейку,
Строгое молчание храня.
Их уже не малая семейка,
А большая, дружная семья.

Где-то барабаны застучали,
Пионерский горн запел вдали.

Настежь двери распахнулись в зале —
Знамя пионерское внесли.

С деревянной низенькой эстрады
Запылал, затрепетал костер.
Обошла вожатая отряды,
Открывая пионерский сбор.

Велика страна моя родная!
Здесь — метель, там — первая листва,
Но везде, от края и до края,
В день приема дети повторяют
Обещанья чистые слова.

Галстуки повязаны ребятам,
И на грудь приколоты значки.
Будто на смотру, перед отрядом
Стали пионеры-новички.

Светлая, счастливая минута!
Время, не беги, остановись!
Вот уже для первого салюта
Маленькие руки поднялись.

Замерли на миг...
— Всегда готовы! —
Прозвучал решительный ответ.
Для учебы, для борьбы суровой,
Для великих будущих побед!

Инна Гофф

ОШИБКА

Рассказ

Не успел Андрюша Барудкин положить на стол Галины Павловны тетрадь с изложением и выйти в коридор, как сразу вспомнил: в слове «расти» после буквы «р» надо писать «а».

Он вспомнил это ясно и отчетливо, но слишком поздно. А ведь всего две минуты назад, когда Галина Павловна спросила его: «А ты хорошо проверил, нет ли ошибок?» — так легко было это исправить, приписав сбоку, возле буквы «о», тонкую палочку.

Андрюша сдал тетрадь первый, и ему разрешили выйти из класса и погулять, пока закончат остальные ребята. До звонка оставалось еще целых десять минут. Не сделай Андрюша

этой дурацкой ошибки, как весело и легко было бы сейчас у него на душе! Ведь это последняя контрольная во второй четверти. Через два дня начнутся долгожданные зимние каникулы — лыжные походы, каток, балет «Дон Кихот», на который Андрияша и его друг Славка купили билеты еще неделю назад. А елки! Дома — раз, в школе — два, у папы на работе... Кроме того, отличникам дадут билеты на елку в Колонный зал.

Андрияша прошелся два раза по коридору, постоял у стеной газеты. В это время из класса вылетел Славка — красный, растрепанный, как всегда после контрольной. В руке он держал розовую промокашку.

— Андрияша! Скажи, как пишется...

И он стал читать выписанные на промокашку слова — те, что остались у него под сомнением. Славка называл слово, Андрияша произносил его по буквам.

Когда все «сомнительные» слова были проверены, Славка загрустил:

— Ну вот, три ошибки... Проверял, проверял — и на тебе!

— У меня тоже ошибка нашлась, — сказал Андрияша.

И Славка оживился:

— Да ну? Какая?

Он вовсе не был плохим товарищем, этот Славка, но все же оттого, что друг его, отличник Андрияша Барудкин, сделал ошибку, на душе у Славки стало немного легче.

— Ну и пусть. Подумаешь, беда какая! — сказал Славка уже почти весело. — Еще целое полугодие до экзаменов! Исправим...

На другой день Галина Павловна принесла с собой стопку тетрадей с изложениями.

Была Галина Павловна молодая, веселая, щеки ее размялись от мороза, и по тому, как смотрела она на ребят, видно было, что изложениями она довольна.

Прежде чем приступить к раздаче тетрадей, она оглядела учеников и сказала:

— Ребята, завтра, как вы знаете, будет утренник. Я пригласила к нам на елку моряка. Он служит на линкоре «Октябрьская революция» и приехал в отпуск на десять дней.

Очень хочет он с вами познакомиться. Когда-то этот моряк здесь учился и до сих пор не может забыть новогоднюю елку в школе. — Тут Галина Павловна посмотрела на часы и торопливо закончила: — Ну вот, вы расскажете ему о своей жизни, о пионерской работе, он вам о службе морской расскажет. А теперь приступим к разбору изложений...

Ребята уже знали, что начинает Галина Павловна с самых плохих работ. Она вызывает к доске учеников и заставляет каждого самостоятельно исправлять свои ошибки и отвечать правила. Двоек оказалось немного. Когда начались тройки, Славка взволнованно заерзал на парте и, по-гусиному вытягивая шею, то и дело бормотал:

— Вон моя тетрадь... синенькая... Так и знал, что тройка...

Но синеньких тетрадок было много, и походили они одна на другую, как близнецы, поэтому сидевший на последней парте Славка каждый раз ошибался. И когда Галина Павловна наконец вызвала его к доске, он, растерявшись, забыл все выученные дома правила и так сбивался, что она только рукой махнула:

— Ошибки у тебя пустяковые, но правила ты знаешь не твердо. Надо бы тебе тройку поставить! Смотри — после каникул сразу выйдешь к доске...

Славка сиял от радости.

— Ты глянь, Андрюш! — дергал он друга за рукав. — Глянь — четыре ведь...

Но Андрюша, красный от смущения, устался в крышку парты. Он ждал — сейчас Галина Павловна назовет его фамилию и скажет: «Что же ты, Барудкин? Сколько раз мы это правило повторяли! — И покачает головой: — Отличник, для доски почета тебя сфотографировали, а ты...»

И теперь Андрюша повторял про себя правило:

«В слове «расти» после «р» пишется «а», так как...»

— Барудкин! — вызвала Галина Павловна.

Андрюша встал потупившись.

— Прекрасная работа! Чисто, ни одной ошибки. Изложение написано хорошим слогом. Эту работу я хочу прочесть вам вслух, как образец... Садись, Андрей.

Славка обиженно покосился на друга:

— А еще говорил: «У меня тоже ошибка!» Зачем обманывал? Все вы, отличники, такие: ноют, охают, а потом, глядишь, — пятерка...

Но Андриюша не слышал упреков Славки. Он, ничего не понимая, прислушивался к красивому голосу Галины Павловны. Она читала его изложение, и в классе было очень тихо.

«Не заметила, — думал Андриюша. — Наверно, не заметила Галина Павловна мою ошибку... А сейчас заметит... И зачем она стала читать вслух?»

Он затаил дыхание. Но вот промелькнуло злополучное слово, и в руках у Андриюши очутилась его тетрадь. Он заглянул в конец работы и вздохнул облегченно: «5».

Тогда он перевернул листок и... не поверил своим глазам: рядом с буквой «о» стояла тонкая палочка, волшебным образом превратившая это «о» в букву «а».

Никто, кроме Андриюши, не смог бы заметить, что эта палочка приписана позднее и даже чернила слегка отличаются от тех, которыми Андриюша писал изложение.

Андриюша взволновался не на шутку. В первую минуту он чуть было не поднял руку, но тут же подумал, что так нельзя. Надо посоветоваться хотя бы со Славкой... Скорей бы уж кончился этот урок!

Андриюша плохо слушал, что объясняла Галина Павловна, кое-как записал задание на зимние каникулы. Щеки его пылали, став одного цвета с его пионерским галстуком. Он смотрел на Галину Павловну.

«Неужели она сама исправила ошибку? Пожалела меня и исправила... Да нет, не могла Галина Павловна так поступить, — думал он, глядя на молодое, открытое лицо учительницы, на комсомольский значок, приколотый к ее строгому синему платью. — Не могла!»

Андриюша терялся в догадках.

Наконец зазвенел звонок, извещающий о конце последнего урока, и все ребята, спеша, принялись укладывать в портфели тетради и ручки. Андриюша сказал:

— Ты, Славка, не уходи. Поговорить надо.

Когда класс опустел, Андриюша выглянул в коридор и, убедившись, что никто не подслушивает, плотно прикрыл дверь:

— А теперь, Славка... Только дай честное пионерское, что никому!

— Никому.

— Ну, гляди... — И раскрыл тетрадь.

Славка смотрел в тетрадь, ничего не понимая.

— Видишь?

— Вижу, — сказал Славка. — Ни одной ошибки...

— А в слове «расти»?

Слава отыскал слово, поднял глаза к потолку, пошевелил губами:

— А что? По-моему, правильно...

— Теперь — правильно... Видишь эту палочку? У меня здесь было «о», а теперь стало «а»...

Глаза у Славки округлились. С минуту он молчал, потом сказал тихо:

— Здорово! Что же это получается? А? Галина Павловна исправила? Но зачем? Не верю, Андрюшка. Тут что-то не так.

— И я не верю. Надо ей сказать...

— Ска-за-ать? — Славка дотронулся рукой до Андрюшиного лба: — Ты что, не в себе? Она же сразу на четверку переправит. Нет, Андрюшка, ты явно не в себе!

Андрюша молчал. Сказать по правде, ему раньше как-то не пришлось в голову, что, признавшись в ошибке, он потеряет право на пятерку.

А Славка продолжал горячиться:

— Вот человек! Впервые вижу. Повезло — и ладно.

— Но ведь это нечестно, Славка... — начал Андрюша, но Славка перебил его:

— Почему нечестно? Ты ведь свою ошибку вспомнил, как только тетрадку сдал. Проверил бы еще раз — и сам бы исправил. Значит, ошибка случайная, так?

— Так-то так... — Андрюша вздохнул. — Вот история! Так, ты думаешь, не надо говорить? — уже неуверенно спросил он.

— Факт, не надо!

Друзья направились к раздевалке. Они вышли на вечернюю улицу, где былолюдно и празднично, как всегда в последние дни перед Новым годом. За стеклами витрин стояли нарядные елки, кружились в воздухе легкие снежинки, мель-

кали огни реклам, освещая веселые лица москвичей. Громко, на всю улицу, пело радио.

Разговаривая о том, о сем, Андрюша и Славка дошли до угла, где им надо было расстаться.

— Гляди, на утренник не опоздай! — напомнил Славка. — Моряк выступать будет.

Еще на лестничной площадке Андрюша почувствовал знакомый смолистый запах и увидел у самых дверей отломленную еловую ветку. Он нетерпеливо нажал кнопку звонка.

Дверь открыла мама, а вслед за ней в передней появились Андрюшины сестренки — дошкольницы Иринка и Любочка и, подпрыгивая, хором сообщили, что мама купила елку — пушистую, высокую.

— До потолка! — кричала Любочка.

— И вовсе не до потолка, а до лампочки! — Иринка любила точность.

— Нет, до потолка. И ее поставили пока на балкон, чтобы не осыпалась...

— И вовсе положили...

Пошумев, они убежали в комнату, где, сев за низенький столик, стали клеить цепи из цветной бумаги.

В другое время Андрюша, пообедав, сам с удовольствием занялся бы этой работой, но теперь ему было не до того. Он думал, что сказать, если мама спросит его о контрольной.

Очень хотелось обрадовать маму пятеркой! Ведь эта пятерка уже стояла в тетрадке! Но все же Андрюша стыдился почему-то сказать о ней. Спросить совета? Он знал наверняка, что мама посоветует. Нет, надо подумать...

Андрюша пообедал наскоро и отказался от блинчиков с вареньем. Мама даже испугалась:

— Ты не болен ли, сынок? — и тоже, как прежде Славка, дотронулась до его лба.

Покончив с обедом, Андрюша прошелся по комнате.

Он подошел к столику, за которым девочки клеили цепи. Здесь же лежали елочные игрушки: снегурочка, заяц с морковкой, гриб-мухомор, груши и множество других.

— Тебе какая больше всех нравится? — спросила Любочка.

Андрюша рассеянно перебирал игрушки:

— Вот эта ящерица. Совсем как настоящая.

— И вовсе это не ящерица, а крокодил! — возмутилась Иринка.

Андрюша не стал спорить.

Он еще послонялся по комнате, чувствуя в душе неясное беспокойство, какое бывает перед тем, как идешь на экзамен. Потом достал из портфеля тетрадь с изложением, натянул пальто и, уже отворяя дверь и на ходу надевая шапку, крикнул:

— Я, мам, скоро вернусь! Мне по делу. Я скоро...

Галины Павловны не было дома.

— Заходи, присаживайся, — пригласил Андрюшу высокий человек в тельняшке, открывший ему дверь.

Одна щека у него была намылена, и в руке он держал кисточку для бритья.

Дома у Галины Павловны Андрюша побывал уже однажды. Это было год назад, когда Галина Павловна болела и ребята пришли ее навестить.

Андрюша отыскал глазами тумбочку. Там попрежнему стояла фотография моряка в квадратной раме. И Андрюша вспомнил, как Галина Павловна тогда сказала: «Это мой старший брат. Моряк».

Вспомнив это и взглянув еще раз на фотографию и на человека, который брился, сидя перед туалетным столиком спиной к Андрюше, и был виден ему в зеркале, Андрюша даже удивился, что не догадался об этом раньше.

Так вот кого Галина Павловна пригласила на утренник!

А между тем моряк кончил бриться и, умывшись, надел висевший на спинке стула китель. Засверкали медные пуговицы с якорями. Над левым карманом пестрели орденские планки в три ряда.

— Ты что, в гости к Галине Павловне или по делу? — спросил он, подсаживаясь к Андрюше. — Ах, по делу! Может быть, могу помочь? Ах, секретно! Так, так... Ученик ее, наверно? А я ее брат, Григорий Павлович. Будем знакомы.

Моряк говорил с Андрюшей серьезно, но по глазам видно было, что готов в любую минуту от души рассмеяться.

Андрюша вспомнил, что Григорий Павлович учился в той же школе, где он, и ему стало весело.

— Ну, расскажи, как учишься? — спрашивал моряк. — Что Галина Павловна — строгая, небось?.. Эх, Галя, Галя! — вздохнул он вдруг. — Не виделись мы долго. Была такая девочка с косичками, пионерочка, а теперь учительница и сама пионеров обучает. — Он засмеялся: — Трудно мне представить, как она к доске вызывает, отметки ставит. Боятесь вы ее? Чего там — знаю, что боятесь! Сам в школе учился... Эх, хоть бы разок услышать, как она вас распекает!

Андрюша слушал Григория Павловича, и ему странно было, что Галину Павловну называют «Галей», и он, наоборот, никак не мог представить себе ее пионеркой с косичками.

Он уже подумывал, не уйти ли ему, не дождавшись Галины Павловны: десятый час, наверно и мама уже беспокоится, — когда раздались три коротких звонка, и Григорий Павлович весело подмигнул Андрюше:

— Она!

Вошла Галина Павловна, и Андрей только теперь заметил, как похожи они с Григорием Павловичем: те же большие темные глаза, та же улыбка.

Увидев Андрюшу, Галина Павловна удивленно вскинула брови:

— Андрюша Барудкин! Что так поздно? Ты ко мне?

— Он по делу пришел, — ответил за Андрюшу Григорий Павлович, — по важному и секретному. А потому я удаляюсь...

И он вышел из комнаты на цыпочках, смешно балансируя руками, а Галина Павловна выжидающе взглянула на Андрюшу.

Андрюша глотнул воздух и сразу выпалил:

— У меня в контрольной ошибка была! А вы мне пять поставили. А мне четыре надо поставить. А ошибку исправили. Я не знаю кто. Там надо было «а», а было «о», а стало «а»...

Галина Павловна смотрела на него с любопытством:

— погоди, Барудкин. «О-а», «о-а» — и ничего непонятно. Успокойся и начни сначала.

Андрюша вспотел от смущения и замолчал. Вспомнив, что тетрадь с изложением у него с собой, он решил прибегнуть к ее помощи.

Галина Павловна с минуту молча смотрела в тетрадь, потом подняла глаза на Андрюшу. Лицо ее стало строгим, темные брови сошлись у переносья:

— Ты точно помнишь, что не сам исправил это слово?

Андрюша кивнул головой. Галина Павловна пожала плечами:

— Ничего не понимаю...

«Я так и знал, что это не Галина Павловна исправила, — думал Андрюша, глядя на нее. — Так и знал...»

И вдруг Галина Павловна покраснела.

Андрюша растерялся. Он ни разу не видел, чтобы Галина Павловна краснела. Она склонилась над изложением. Румянец заливал ее лицо и становился все ярче. Андрюше показалось — вот-вот Галина Павловна заплачет. Но это только показалось. Галина Павловна снова подняла глаза на Андрюшу. Лицо ее было уже спокойно:

— Я, кажется, все поняла, Андрюша. Ты молодец, что пришел...

Она хотела сказать еще что-то, но в это время в дверях появился Григорий Павлович:

— Разрешите войти?

— Пожалуйста.

Галина Павловна пристально смотрела на брата и говорила медленно и раздельно, как будто диктовала:

— Андрюша Барудкин принес мне свою тетрадь и просит, чтобы я поставила ему вместо пятерки четверку. Андрюша Барудкин — настоящий пионер. Он не хочет получить пятерку нечестным путем. Он пришел ко мне, чтобы узнать, кто исправил ошибку в его тетрадке...

По мере того как Галина Павловна говорила все это, лицо моряка становилось все растерянней. Теперь он походил на провинившегося школьника. Потупясь и часто моргая, он стоял перед Галиной Павловной и, наверно, в эту минуту уже хорошо мог представить себе, как Галина Павловна распекает своих учеников.

Но вот Григорий Павлович покачал сокрушенно головой, вздохнул и, подтянувшись по-военному, обратился к сестре:

— Разрешите объяснить?

— Мы слушаем.

— Лежала, значит, тут на столе стопка тетрадей. Вспомнились мне школьные годы, стал я изложения читать. И как раз мне эта тетрадка попала. Читаю — хорошо написано, гладко! И ошибки — ни одной. Потом гляжу — есть одна. И досадно мне стало: очень уж работа хорошая, и Новый год, опять же... Неужели, думаю, парню из-за одной ошибки Новый год портить? Взял, значит, я ручку с чернилами...

Григорий Павлович замолчал, виновато, из-под бровей, взглянул на Галину Павловну, потом на Андриюшу и вздохнул:

— Я думал, никто не заметит, даже парнишка сам...

Галина Павловна покачала головой и протянула Андриюше руку:

— Спасибо тебе, Андриюша! Ты поступил честно, по-пионерски...

Она с укоризной посмотрела на брата:

— А еще собирался на утренник в школу идти, о службе морской рассказывать!

— И пойду! Обязательно пойду! И рассказ свой начну с этого. О своей ошибке расскажу.

— О моей ошибке, — улыбаясь, сказал Андриюша.

— О твоей и моей...

Андрей Иванов

ПЕРВОЕ СОЧИНЕНИЕ

Рассказ

Были последние летние дни. Деревья стояли в полном наряде. Ни один лист еще не упал с их пышных вершин, только чуть тронутых первой желтизной. Все ждали долгого тепла, яркого солнца, а разыгралась настоящая осенняя непогода.

Терентий Шапковин и Настя Чупаева с тревогой смотрели на хмурюю гряду гор, замкнувших в круг широкую долину. С гор, клубясь, спускались плотные мутные облака. Они тяжело повисали над долиной и сеяли мелкий частый дождь.

— Не прилетит совсем. Опоздаем мы, — сокрушенно вздохнув, сказала Настя и старательно вытерла концом клетчатого платка мокрые пухлые щеки.

— Ладно, пойдем домой, — неопределенно отозвался Терентий и круто повернул к поселку.

Веселый чистенький поселок из новеньких домиков с тесовыми крышами под дождем тоже как-то поскукнел, выглядел маленьким, серым.

Мальчик и девочка ждали самолета. Им предстояло лететь в город, в школу. Терентий провел в этой школе уже один год. Настя собиралась впервые.

Они возвращались молча, осторожно обходя частые лужи.

Терентий был рослый смуглолицый мальчик, с пристальными карими глазами. Из-под кепки выбивались пряди мокрых черных волос. Он по-мужски широко ставил обутые в ичиги крепкие ноги охотника, чуть поводя при этом в такт шагам уже округлившимися крутыми плечами.

Настя не уступала товарищу ни ростом, ни шириной плеч, хотя была на год моложе Терентия.

Она тоже любила ходить широким охотничьим шагом и метко стреляла из ружья. Ее плотно подобранные под платок волосы открывали очень высокий чистый лоб.

...После обеда Настя раскрыла собранный в дорогу чемодан и не спеша стала пересматривать свой незатейливый багаж. Сверху лежали гладко отутюженная белая блузка и темносиняя юбка — парадная пионерская форма.

Бережно отложив галстук, Настя достала из чемодана толстую папку с гербарием таежных растений. Между широкими листами толстой бумаги лежали красные, синие, желтые, голубые цветы; тут же рядом — засохшие зеленые травы с широкими и узкими листочками, кудрявый мох ягель — олений корм. Много долин и горных склонов пришлось обследовать Насте.

Теперь она покажет этот гербарий в школе своим новым товарищам.

Пусть знают, что ее край совсем не бедный. В нем весело бегут звенящие реки, приветно шумят деревья, а долины покрыты пестрым ковром цветов.

Она перевернула еще один лист гербария и улыбнулась.

В левом углу широкого листа пришиты три пшеничных колоса с крупными золотистыми зернами; рядом — кусочек узловатой желтой соломинки, ниже — еще кусочек твердой соломинки, с густым кустиком белых корешков. Сверху на листе

красивым прямым почерком написано: «Пшеница колхоза «Новая жизнь».

Настя осторожно подула на золотистые колоски, сдувая пыль. Ей вдруг захотелось, чтобы они зашумели, как в поле.

В душе она надеялась, что первая внесла в гербарий растений своего края пшеницу. Несколько лет назад этого никто не мог сделать. Пшеницу тогда эвенки не сеяли. Вот разве только Терентий в прошлом году...

Терентий оказался легким на помине.

Он шумно ворвался в дом и, не успев закрыть дверь, прямо с порога крикнул:

— Настя, знаешь что?!

— Поди-ка сюда, — не обратив внимания на его слова, позвала девочка.

Терентий охотно подошел ближе и заглянул в гербарий:

— Что у тебя тут нового?

— Видишь, пшеница.

— Вижу. Пшеница, — согласился Терентий.

Он помнил, что раньше ее в гербарии Насти не было.

— Недавно вложила?

— А как же! Без нее никак нельзя, — заметила Настя. — Ее бы на первый лист надо.

Терентий промолчал.

— Ты в прошлом году возил ее в город?

— Нет.

— А почему?

— У меня не было гербария.

— Ой, тихоня! Зачем молчал? Мы бы тебе из своих собрали.

Сообщение Терентия обрадовало девочку. Значит, она первая привезет в город колоски пшеницы, выращенной эвенками.

Настя поглядела в окно.

Изошедшие дождем тучи на виду таяли: сначала становились тонкими, прозрачными, потом исчезали совсем. Далекие горы теперь виднелись отчетливее, ярче, словно их кто-то подрисовал.

— Теперь прилетит? — с волнением спросила Настя.

— Должен прилететь, — уверенно сказал Терентий. — Теперь он все видит.

— А не забудет?

— Нас нельзя забыть. В школе сразу заметят: «Настя нет, Терентия нет. Где они?» Директор позвонит главному начальнику. Тот сразу прикажет: «Послать самолет. Привезти немедленно». Как же можно, чтобы кто-то не учился! Не полагается это.

* * *

Самолет прилетел рано утром. Он весело прошумел над домами, над вершинами растущих по улицам и огородам молодых берез, повернул за огородами, сел на специальную площадку и затих.

Несмотря на ранний час, к самолету собралось много провожающих.

Передав почту и получив новую, пилот забрал и уложил чемоданы ребят.

Настя стояла, прижавшись к матери. Ей жаль было расставаться с родными, домом, веселой улицей, друзьями.

Терентий подошел к самолету и укоризненно посмотрел на робкую девочку.

Настя увидела осуждающий взгляд товарища, торопливо поцеловала широкие теплые руки матери и храбро шагнула за Терентием.

— А ну, друзья, садитесь в карету! — шутя сказал пилот и открыл перед ними дверь.

Терентий вошел первым и подал руку Насте.

Летчик закрыл дверь и прошел на свое место.

Шумно, все ускоряя обороты винта, заработал мотор. Люди отошли дальше от самолета.

Вздрагивая, самолет побежал по площадке. При каждом толчке Настя опасливо хваталась за плечо Терентия.

«Мы считали, что площадка такая ровная, а самолет на ней вон как трясется, — подумала Настя. — Будущим летом соберу ребят, и обязательно заровняем все выбоины. Как стекло, ровную сделаем».

Подпрыгнув еще раз, самолет пошел плавно, не вздрагивая.

«Вот здесь совсем хорошо. Ни одной выбоинки», — подумала девочка.

Она решила отметить, с какого места начинается такая ровная площадка. Глянула в окно и удивилась: они были уже высоко в воздухе. Не было видно ни поселка, ни собравшихся у края площадки людей.

Ей захотелось глянуть еще раз на поселок, на колхозников, которые пришли провожать их с Терентием в далекий путь.

Будто поняв ее желание, летчик круто повернул самолет. Настя увидела далеко внизу домики, похожие на спичечные коробки.

Девочка потянула за руку Терентия.

Вместе они смотрели на поселок. Улица казалась строгой, прямой. Дома на ней выстроились ровно, словно пионеры на линейке.

Самолет снова развернулся, и вместо поселка ребята увидели лесистые горы, которые как будто оседали, становились ниже.

Настя вспомнила, с каким трудом приходилось им летом подниматься на эти горы. А теперь она летит высоко над ними, и они отсюда кажутся совсем маленькими.

* * *

На школьном дворе с раннего утра было весело и шумно. Отдохнувшие за лето ребята громко приветствовали друг друга, делились новостями.

До начала уроков Терентий хотел познакомить Настю со школой, с товарищами. Но у нее уже нашлись подруги, которые сделали это раньше. Они тоже прилетели на самолете из других аймаков, быстро подружились между собою и теперь охотно взяли шефство над робкой Настей.

Радостно, заливисто прозвучал молчавший целое лето звонок.

Терентий входил в класс последним. В самой двери он вдруг почувствовал на плече чью-то большую мягкую руку.

Он повернул голову. На него глянули добрые глаза Анны Петровны.

Терентий обрадовался, увидев свою учительницу, и даже забыл поздороваться.

— Я думала, что ты опоздаешь, Терентий, — сказала она негромко. — Ходила в общежитие. Все съехались, а тебя нет.

— Погода задержала, Анна Петровна, — остановившись, также тихо ответил Терентий. — Туман да дожди стояли. А самолет все не летит да не летит...

— Вот какой ты стал важный! Самолеты за тобой летают. Не забывай этого, учись хорошо!

Терентию еще хотелось поговорить с учительницей, но она, легонько подтолкнув его в плечо, направила к парте.

Учительница выкликнула каждого ученика по списку. Вызванные вставали за партой, бойко отвечая на ее вопросы. Анна Петровна всех знает, она занимается с ними второй год. Но ей хочется узнать, какими они стали за лето, как изменились, повзрослели.

— У нас сегодня подряд два моих урока, — говорит она, улыбаясь и живо обводя ребят своими большими глазами. — Будем писать сочинение. Тема сочинения вольная, — продолжает Анна Петровна. — Пишите о том, как вы провели лето. Лучше, если каждый из вас опишет самое интересное для него событие. Ведь были у вас такие?

— Были! — вразнобой ответили ребята. — Как не быть!

— Ну, вот и пишите. Кто охотился, кто ловил рыбу, кто пас оленей...

На лицах ребят появились мечтательные улыбки. О, об их крае можно написать так много, что не хватит всех тетрадей в классе!

— Надеюсь, что вы не сидели сложа руки все лето?

— Нет. Мы не сидели сложа руки, — за всех ответил Терентий и ближе пододвинул к себе развернутую тетрадь.

Однако на деле все оказалось много труднее, чем думалось вначале.

Ребята уже писали. В классе стало так тихо, что слышно

было, как скрипят перья. Только Терентий в задумчивости смотрел на белые листы тетради и не знал, с чего начать. Об охоте? Какая же охота летом! На доброго зверя охотятся только зимой. Правда, Терентию пришлось помочь отремонтировать ловушки на горностая. Но разве это самое интересное? Нет, конечно. Не пришлось ему побывать и у рыбаков. Остались только олени. Но он пас их всего пять дней, пока болел постоянный пастух. Ну и пусть только пять дней! А разве это было неинтересно? Сколько пройдено с оленями по белым ягельникам, через густую тайгу, по горным рекам, по крутым каменистым склонам! Вот об этом он и напишет.

— Терентий Шапковин, почему ты не пишешь? — спросила учительница.

— Сейчас, сейчас! Я много думаю.

— Это хорошо! — успокоилась Анна Петровна. — Много думаешь — лучше напишешь.

Он торопливо обмакнул перо в чернила, но не донес его до белого листа бумаги и снова задумался.

«Самое ли интересное было на оленьем пастбище? А где ты был все лето, Терентий? — спросил он сам себя. — Чем ты занимался остальное время?»

На память пришел гербарий Насти: три золотистых колоска и желтая соломинка с коричневым узлом посередине. Мальчику представилось, что колоски, полные тяжеловесных зерен, ушли с белого листа бумаги.

И вот Терентий уже видит широкое поле. И тысячи колосков волнуются под тихим ветром. Чуть слышно шумят о солнце, о теплом лете и еще о чем-то, что трудно расслышать, понять. А там...

Мальчик решительно взмахнул пером. Надо было спешить: ребята уже написали по целой странице.

* * *

Вечером Анна Петровна проверяла тетради. Много интересного рассказали в своих сочинениях ребята. Будто повеяло на нее ветром далекой тайги. Это были простые рассказы о молодых оленеводах, рыбаках и звероловах, об удачах и промахах, хитрых выдумках, облегчающих труд.

В общежитии уже спали, а учительница, не смыкая глаз, все еще читала и перечитывала тетради. Глаза устали. Она дала им немножко отдохнуть, потом пододвинула ближе настольную лампу и продолжала читать.

Открыв тетрадь Терентия, Анна Петровна с удивлением два раза прочитала заголовок его сочинения. Это было так не похоже на то, что писали другие.

Сочинение Терентия, как и другие, снова увело ее на север Байкала.

Все та же зеленая тайга. Те же говорливые реки. Но все кругом стало как-то просторнее, веселее, словно далеко раздвинулись горы, щедрее стало светить солнце. По-особому, улыбочиво смотрят люди. Так и хочется спросить: «А что это у вас за праздник такой, старые друзья эвенки?»

Иная тайга, другая жизнь открылась перед Анной Петровной в сочинении Терентия.

...Весной проезжавшие на золотые прииски возчики рассыпали у дороги несколько горстей пшеницы. Пшеница взошла, выколосилась, отцвела. Потом она налилась янтарным зерном, а к концу лета радостно зашумела спелыми колосьями.

Увидел кустики пшеницы председатель колхоза, потрогал рукой колосья, удивленно покачал головой и ушел по своим делам. Но он не мог больше забыть спелую пшеницу и на завтра пришел снова. Долго стоял он у дороги и в задумчивости все трогал и трогал рукой золотистые стебли. Докурил трубку, выколотил пепел и сунул ее в карман. Потом вынул из чехла охотничий нож и срезал им всю пшеницу. Получился большой сноп.

Дома председатель созвал ребят и передал им принесенную пшеницу:

— Видите, у нас выросла. Весной надо на грядке посеять. Посмотрим, что выйдет.

Пришло лето. На пионерской полосе зеленой стеной поднялась пшеница. И все, от мала до велика, с тревогой смотрели, как она цветет, как наливается. Не попортят ли ее заморозки? Не побьет ли тяжелым градом?

Вот она пожелтела и чуть поникла под тяжестью крупных

колосьев. Председатель пригласил в колхоз районного агронома.

— Похоже на то, что может здесь расти пшеница, — сказал агроном, рассматривая зерна пшеницы. — Это новый северный сорт. Только вот непривычный вы народ к этому — агротехники не знаете.

— Что ж из того, что непривычный! — рассердился председатель. — Сколько народу у нас всему учится! Узнаем и агротехнику.

— Ну раз так, давайте попробуем побольше посеять, — сказал агроном.

В колхоз прислали трактор. В тайге раскорчевали и вспахали большое поле. Весной засеяли его семенами, выращенными на пионерских грядках. Пшеница удалась и на этот раз. Только на маленьком, низеньком участке в две сотых гектара посев тронул мороз. Колосья побелели раньше, чем успели налиться зерном.

Любоваться пшеничным полем приехали оленеводы, рыбаки и звероловы далеких колхозов. Задумчиво стояли они в поле. Молча курили трубки. Самые старые и мудрые из них считали, что эвенки могут лишь пасти оленей, ловить рыбу и зверя. А тут... Уходя, они нарушили свое молчание и попросили прислать и к ним трактор.

...Через год по увеличившемуся почти вдвое полю спелой пшеницы шел самоходный комбайн. На площадке рядом с комбайнером стоял вихрастый широкоплечий мальчик в синей ситцевой рубашке и весело размахивал руками. Это был Терентий. Он от души радовался тому, что перед ним расстилается широкое поле золотой пшеницы, и тому, что едет на такой чудесной машине. Теплый ветер трепал его непокорные черные волосы, надувал парусом синюю рубашку...

На этом сочинение вначале заканчивалось. Но потом Терентий, видно, передумал. Пропустив одну чистую строку, он продолжил его еще на полстраницы. Эти строки были о пионерке Насте Чупаевой, которая собрала колоски и поместила их в свой гербарий. Она увезла гербарий в город, желая показать всем, что эвенки научились выращивать свой хлеб.

Анна Петровна жирно подчеркнула слова: «свой хлеб». Потом, отступив немного ниже, она размашисто поставила большую пятерку.

Терентий написал сочинение о событии, большом и важном для всего эвенкийского народа.

Александр Копыленко

ОНИ ВЫРОСЛИ

Рассказ

Еще накануне Галя очень волновалась и не давала покоя бабушке. Надо было выгладить форму и белый передник. Это на завтра, на утро.

Такой день завтра, что даже страшно, когда вспомнишь! А бабушка словно ничего не понимает и совсем не торопится... А ведь еще и воротничок к платью надо постирать. Взялась было Галя сама, но бабушка говорит, чтобы она в воде не полоскалась, потому что только испортит воротничок.

Все, что велела бабушка, Галя уже сделала: тарелки и чашки вытерла и в шкаф поставила.

— Ты у меня сегодня послушная девочка! — похвалила бабушка внучку. — Теперь иди погуляй, пока папа и мама с работы придут. Встретишь их.

До сих пор еще никогда не приходилось напоминать Гале, чтобы она пошла погулять. Сама торопится выбежать во двор или на улицу, как только случится свободная минутка. Но на этот раз она только головой покачала.

— Нет, не хочется мне гулять... Бабушка, а у нас часы не испортились? Смотрю я на них, смотрю, а стрелки как будто замерли и не движутся, — сказала Галя.

Бабушка посмотрела на часы:

— Нет, часы идут правильно. А вот ты торопишься, и куда, я не знаю...

— Я боюсь, что вы не успеете погладить мне форму и выстирать воротничок. Как же я завтра в школу пойду? Приду неряхой, и меня не переведут в четвертый класс. А я и так очень боюсь! — снова вздохнула Галя.

— Чего же это ты боишься? Может, двойку поймала, да нам не сказала? — спросила бабушка.

— Нет, ничего я не поймала, а просто так... просто я очень хочу перейти завтра в четвертый класс. Ой, я так хочу, чтобы скорей было завтра! А часы не идут, — снова посмотрела Галя на часы.

— Горе ты мое, да как же они не идут, когда папа вот-вот вернется, а у меня обед еще не готов! — засуетилась бабушка. — Поди-ка лучше на стол накрой.

Галя послушно пошла накрывать на стол. Только она успела расставить тарелки, а тут и папа на порог.

— Здравствуй, Галина Ивановна! — поздоровался он с дочкой, потому что утром ушел на работу, когда Галя еще спала.

— Добрый день, — ответила Галя, не отрываясь от работы.

Отец заметил, что Галя какая-то странная сегодня, даже не подбежала к нему, как это бывало всегда.

— Чем это вы, Галина Ивановна, так расстроены? — пошутил папа. — Не подошли ко мне, ни о чем не спросили. Порвали дипломатические отношения с бабушкой? Или в школе у вас что-нибудь случилось?

— И ничего не случилось... Просто я завтра перейду в четвертый класс и в будущем году буду сдавать экзамены. Чего же мне бегать?

— А-а, это — дело другое... Ученица четвертого класса должна быть солидной, степенной особой, — развел руками папа и, прищурив глаза, посмотрел на свою дочку, такую маленькую, что, пожалуй, никто и не поверит, что она ученица четвертого класса.

Вот и мама вернулась с работы. Пообедали, и весь вечер Галя была тихая, сосредоточенная и места себе не находила.

Забегала к ней подружка Люда, такая же взволнованная, как и Галя. Девочки уселись вдвоем на одном стуле, обнялись и защебетали, как ласточки, о завтрашнем дне. В школе они тоже сидели на одной парте.

Девочки условились в школу идти завтра вместе. Только рано-раненько.

Ночью Галя просыпалась несколько раз. Глянет в окно, а на дворе еще темно. И снова заснет.

Когда наконец уже начало светать, Галя совсем проснулась. Пора уж, наверно, вставать. Но часы, словно заколдованные, показывают всего четыре часа, и большая стрелка еле-еле движется к половине пятого. Даже бабушка еще не проснулась.

Галя поднялась и придвинула к себе стул, на спинке которого висела форма — выглаженная, чистенькая, как будто новая, и белый передник. Мама услышала, что Галя зашевелилась, и спросила:

— Галя, почему ты не спишь?

— Мне кажется, что уже пора вставать, мама. Чтоб я не опоздала.

— Что ты выдумываешь! — рассердилась мама. — Сейчас же ложись и спи, а то будешь весь день бродить, как сонная муха.

— Ну хорошо, мама. А если я опоздаю? Тогда прощай четвертый класс! — капризно ответила Галя, но все-таки легла поудобнее и укрылась одеялом. Спать она, конечно, не собиралась...

Вот беда! Галя открыла глаза, когда папа ушел на работу,

а бабушка вернулась из магазина. А солнце розовыми полосами уже расписало всю комнату.

Галя испуганно вскочила с постели и не знала, за что братья. Умылась, почистила зубы и только тогда заметила, что мама с улыбкой глядит на нее. Мама обняла дочку, прижала к себе, попросила не спешить и ушла на работу. Галя проводила ее к двери.

— Мама, Нина Васильевна сказала, что сегодня раздаст нам табели на руки. И там все будет написано, — сказала Галя.

— Конечно, а как же иначе?..

Выпив с трудом чашку чаю, Галя выбежала на улицу. Люды она не дождалась. Надеялась, что встретит ее. Но подружки нигде не было видно, и Галя помчалась в школу.

Она быстро завернула за угол и сразу увидела «свой дом». Так называла Галя высокий-высокий новый дом. Его строили на месте того, который сгорел во время войны.

На строительстве работал дядя Леня — каменщик. Он такой веселый, хороший и интересный человек! У него большие темные усы.

Когда Галя спросила, зачем ему такие усы, дядя Леня на секунду перестал улыбаться и ответил, что у него над губой шрам. Ранили его на войне фашисты. Усы шрам закрывают, потому он их и носит.

А познакомилась Галя с дядей Леной так... Шла она после весенних каникул в школу и видит: выкопаны рвы для фундамента нового дома. А каменщики так быстро и ловко кладут кирпичи, что стена вырастает прямо на глазах. Особенно интересно и быстро работает каменщик с усами. Кажется, что кирпич сам спешит к нему в руки. Каменщик мигом накладывает раствор и точно, одним движением, кладет на место. Потом немного отклонится, постучит сверху по кирпичу, и вот уж другой у него в руках.

Галя поглядела с минутку и побежала в школу, чтобы не опоздать. А когда возвращалась домой — глядь, стена уже с нее ростом! Даже, может быть, чуть повыше...

Ну как же тут не остановиться! Галя так пристально следила за работой ловкого, веселого каменщика, что он тоже

обратил на нее внимание. Раньше он все время что-то напевал, а сейчас вдруг перестал петь и неожиданно обратился к Гале:

— Что, гражданка, интересно?

Галя немного смутилась, но ответила восторженно:

— Ой, очень интересно! Вы так быстро выросли! Утром были вот такие, а теперь уж вот какие! — показала Галя рукой, как вырос веселый каменщик.

И он сам и его товарищи засмеялись.

— Откуда это вы идете, гражданка? Я вижу, в портфеле у вас книжки. Наверно, из Академии наук? — очень серьезно спросил каменщик.

— Да нет, я учусь вон в той школе, в третьем классе, — так же серьезно ответила Галя. — И сегодня по арифметике получила пятерку.

— О, значит, вы тоже растете! Видите, как хорошо! — сказал каменщик. — Вы растете, и я расту! А как вас зовут? Нам ведь надо познакомиться.

— Меня зовут Галя. А вас?

— Можно звать меня дядя Леня. Я здесь бригадир. У меня дома есть такой же академик, как ты. И тоже учится в третьем классе. И тоже приносит пятерки.

Так и познакомилась Галя с дядей Леней...

А потом они сдружились.

По дороге в школу Галя всегда останавливалась и кричала своему знакомому:

— Здравствуйте, дядя Леня!

— Здравствуй, Галенька! Как твои дела? Уроки выучила?

— Все выучила! А у вас как?

— Хорошо!.. Растем, Галенька! — откликнулся сверху дядя Леня.

— Ой, вы уже так выросли, что я вас почти не вижу!

— Ударно работаем, Галенька!

Но по дороге в школу Галя не могла долго разговаривать. Зато, возвращаясь из школы, она всегда задерживалась, потому что часто дядя Леня был внизу. Это было во время перерыва на обед. Тогда дядя Леня увлекательно рассказывал о том, как строят дома, как кладут кирпич, почему бывают

квартиры удобные и неудобные. И еще он часто смешил Галю, рассказывая ей веселые истории.

День за днем на глазах у Гали вырастал, поднимался дом. В окна вставляли рамы, пригоняли двери, делали лестницы, настилали полы...

Строили дом скоростным методом.

В последние дни дядя Леня работал уже на пятом этаже. Оттуда он выглядел маленьким, и голос у него был не такой громкий, как внизу.

Сегодня Галя не имела возможности даже взглянуть наверх и приветствовать своего приятеля — дядю Леню. Она торопливо шла по другой стороне улицы и была уверена, что дядя Леня ее не заметит. Но, миновав дом, она вдруг услышала издали, сверху, веселый голос:

— Эй, гражданка! Гражданка академик Галя!.. Куда ты спешишь? Почему так торопишься?

Галя тотчас остановилась и высоко-высоко, на самом верху дома, увидела дядю Леню, который стоял на железном мостике и как будто раскачивался над землей.

Помахав ему рукой, Галя закричала как можно громче:

— Ой, я очень тороплюсь переходить в четвертый класс, дядя Леня!

— А-а, это — дело серьезное... Я тоже сегодня перехожу в старший класс! — ответил сверху каменщик.

— Вам тоже выдадут табели? — крикнула Галя.

— Обязательно выдадут! — засмеялся дядя Леня.

Подняв голову, Галя смотрела вверх. И ей стало страшно за дядю Леню. А он стоит себе на мостике и ничего не боится.

— А вам там не страшно? — закричала Галя.

— Страшновато! — снова засмеялся дядя Леня и добавил: — А тебе не страшно переходить в четвертый класс?

— Очень страшно! — откровенно призналась Галя. — Ой, я опоздаю, и тогда я совсем пропащий человек!

И, забыв о том, что через несколько минут она станет ученицей четвертого класса и, следовательно, человеком солидным, Галя пустилась бежать во весь дух. Но раза два она все-таки обернулась и помахала рукой дяде Лёне.

В школе было уже полным-полно детей. Веселый шум раздавался и во дворе и в коридорах. Прозвенел звонок, и школьницы разошлись по своим классам.

В класс вошла Нина Васильевна, тоже одетая празднично. Она улыбнулась девочкам. А потом пришла еще одна учительница. Нина Васильевна поздравила своих воспитанниц. Она сказала, что все девочки хорошо поработали в этом году и должны теперь как следует отдохнуть, чтобы осенью со свежими силами сесть за парты в четвертом классе.

Учительница положила каждой ученице на парту табель. Галя еле дождалась своей очереди и мигом прочитала: «Переведена в четвертый класс».

А потом младшие школьницы собрались в зале, и директор поздравил их. Но Галя почти ничего не слышала из того, что говорил директор. Сердце у нее билось так радостно, что она не могла устоять на месте. Ей хотелось скорей выбежать на улицу, на солнышко. Пусть все видят, что она уже ученица четвертого класса!

Ведь надо еще по дороге домой все рассказать дяде Лене, потому что и он переходит сегодня в старший класс.

Радостной, шумной гурьбой выбежали девочки из школы. Галя снова не дождалась Люды и пошла одна к «своему дому». Шла не торопясь, чинно и важно. Ведь ясно, что все прохожие знают, видят — перед ними идет ученица четвертого класса. Дядя Леня поджидал Галю внизу. Он уже переоделся. Вместо синей спецовки на нем был чистый серый костюм. Поздравляя Галю, дядя Леня серьезно и крепко пожал ей руку.

— В табеле так и написано, что я переведена в четвертый класс, — сказала Галя. — А куда же вы перешли?

— А я перехожу отсюда на строительство одного огромного завода. На этом заводе будут выпускать интересные, сильнейшие машины. Туда посылают самых лучших каменщиков. И я иду со своей бригадой, — ответил дядя Леня. — А вот это тебе подарок. За то, что ты хорошо училась. Мы ведь с тобой поработали!

Дядя Леня вынес и дал Гале хорошенький домик, сделанный из дерева, но раскрашенный так, что стены его казались

кирпичными. Из дверей и из окон домика лукаво выглядывали, словно живые, медвежата, петушки, лисичка, обезьянка, утка и другие смешные и веселые зверьки и птицы.

Галя стояла, как зачарованная, не зная, что ей делать — такой это был чудесный домик!

— Бери, Галенька, это мы с Леней-младшим сами сделали. Моего сынишку тоже зовут Ленья. Мы с ним на все руки мастера. Но лучше всего умеем дома строить.

— А меня вы научите строить дома? — с восторгом спросила Галя.

— А как же! — радостно отозвался дядя Ленья. — Приходи к нам, и мы тебя научим. Ты ведь знаешь, где мы живем. Помнишь, я тебя встретил и показал наши окна? Поднимешься на второй этаж, позвонишь и спросишь, где живут два Лени, старший и младший. Не забыла, где мы живем?

— Нет, не забыла, только я завтра приду. Сегодня бабушка пирожки мне печет, и я буду ей помогать, — сказала Галя.

— Вот и отлично! Завтра и приходи, под вечер.

Дядя Ленья проводил Галю до самого ее дома и помог ей донести подарок.

Галя тоже показала дяде Лене, где они живут, и сказала, что папа, мама и бабушка очень хотят с ним познакомиться. Ведь она им так много рассказывала о своем дяде Лене, о том, как он вырастал у нее на глазах вместе с домом, который строил... Дядя Ленья обещал непременно прийти в гости.

Больше Галя не могла выдержать и побежала домой, прижимая к себе домик, населенный шустрými, веселыми зверьками и птицами. А дома ждали ее еще подарки от мамы, папы и бабушки.

Сергей Смирнов

НАТАШЕ

Ах, Наташа, Наташа!
Еще не вчера ли
Подходящее имя
Тебе выбирали,
С необычными справками
Шли в учреждения,
Чтоб скорее твоё
Узаконить рожденье?

Сколько званий
Присвоила ты домочадцам!

Молодой человек
Стал отцом величаться,
А отец молодого
Того человека
Сразу в деда шагнул,
Не прожив и полвека.

Стала бабушкой мама,
А дочь ее — мамой.
Стал двоюродным братом
Мальчишка упрямый.
Ты пришла

в относительно

мирное время.

Подрастай, егоза,
Да знакомься со всеми!

Поднимайся скорее
На резвые ножки
И шагай

от стола

По ковровой дорожке.
Для тебя

возле дома,

На детской площадке,
Встали тополи
Послевоенной посадки.

Если в детстве с тобой
Ничего не случится,
Ты, во-первых, должна
На «отлично» учиться,
Во-вторых, не играть
На родительских нервах,

В-третьих...

Ладно...

Пожалуйста,

Помни «во-первых»!

Не заметишь, Наташа,
Как станешь невестой.
Но попрежнему к знаниям
Любовь свою пестуй,
Ибо знания,
Согласно теперешним данным,
Для невесты являются
Лучшим приданым!

Понимаешь,

отец не имеет

в излишке

Ни добра в сундуке,
Ни рублей на сберкнижке.
Но державу

на тысячи верст

протяженьем

Он считает своим
Основным сбереженьем!

Распростерлась она,
Себе равных не зная,
От Курильской гряды
До холмов на Дунае.
Развернулась под солнцем
И в дыме-тумане
От Гольфстрима
До синих ущелий Тянь-Шаня.

Ты получишь ее,
Как хозяйство хозяйка,

Как безбрежную даль
Острокрылая чайка.
И живи на здоровье,
Просторно и ярко,
Если будешь достойна
Такого подарка!

Миколас Слуцкис

ХОРОШО УЧИТЬСЯ, МАЛЬЧИК!

Р а с с к а з

Здание полустанка было небольшое, окрашенное в зеленый цвет, под железной крышей.

Со всех сторон оно было обнесено частоколом, выкрашенным в тот же зеленый цвет. С десятка приземистых яблонь в саду за оградой были сплошь усыпаны плодами. Под окнами ярко горели кусты «золотых шаров» — неизменных спутников осени.

В окно вагона видны были широкие, чуть подернутые дымкой поля; за ними вдаль уходила полоска леса с висящим над ней багровым солнцем. Через поле вилась узенькая пыльная тропка.

У станционной ограды, шевеля длинными ушами, вкусно похрустывала сеном гнедая лошадка, запряженная в простую крестьянскую телегу. Лошадка эта, как видно, и доставила единственных пассажиров на полустанок: высокую женщину, повязанную белым платком, и двух мальчуганов.

По небольшому, посыпанному щебнем перрону ходил худощавый, подвижной старик — дежурный по станции.

— Живей, живей усаживай ребят! — торопил он женщину. — Хватит уж, нацеловались!

Та, виновато глянув в сторону сурового старика, хотела было еще разок поцеловать старшего, но сдержалась и подтолкнула мальчика к вагону. Оглушительно загудел паровоз, внезапно нарушая глубокую осеннюю тишину.

Поднеся к глазам большую натруженную руку, мать смахнула слезу, блеснувшую на ее загорелой щеке. Не шевелясь, точно застыв на месте, провожала она глазами удаляющийся поезд.

Все громче постукивали и пели колеса. Мимо пролетали кочковатые луга, запаханное жнивье, облако пыли, поднятое стадом. Мальчики так и прилипли к оконному стеклу, разглядывали проносящиеся мимо, пока еще знакомые и близкие им места.

— Эй, мальчуганы, далеко едете? — обратился к ребятам седой старичок-лесовод. Маленький, сухонький, в очках, он говорил неожиданно громко, обращая на себя всеобщее внимание.

Заинтересовались ребятами и другие пассажиры: крупный, бритоголовый, с коротко подстриженными черными усами рабочий, внимательно перед окном читавший газету; молодая кругленькая колхозница-бригадир, направляющаяся на курсы; подтянутый военный, едущий домой в отпуск; старая, лет шестидесяти, женщина, не выпускавшая из рук большого узла.

Дети повернулись к пассажирам. Меньшой парнишка исподлобья глянул на лесовода.

— В Вильнюс, — застенчиво ответил старший. С виду ему было лет четырнадцать, но стеснялся он незнакомых, пожалуй, не меньше, чем его братишка.

— В Вильнюс? И малыш — тоже в Вильнюс? — удивился старик.

— Нет. В Вильнюс только я один.. Петрюкас сойдет в Саргенай. Он меня провожает. — Старший мальчик говорил уже посмелее.

— И совсем не в Саргенай! — тоненьким голоском поправил его малыш. — Я до самых Пабаляй еду... вот!

— Вот тебе и «вот»! А как ты назад вернешься, Петрюк? От дому далеко... Серого волка не боишься? — поддразнивал мальчика старик.

— Петрюкас ведь пешком не пойдет, — серьезно объяснил старший. — В Пабаляй в восемь каунасский вечерний оставливается. Петрюкас с ним и вернется.

Волков оба мальчика пропустили, понятно, мимо ушей.

— А на билет деньги есть? — не переставал поддразнивать старик, которому малыш, очевидно, очень понравился.

Петрюкас снисходительно улыбнулся: старичок этот ничего не смыслит в поездах и мальчиках.

— Ему не нужно билета, — объяснил старший. По всему было видно, что он очень любил братишку и даже гордился им. — Все проводники и машинисты знают Петрюкаса...

— Все? — прикинулся удивленным старик. — Так-таки все до одного? Вы только подумайте!

За окном промелькнула будка стрелочника, пассажиры стали смотреть в окна. Старший мальчик, собравшийся было рассказать, как это Петрюкас подружился с железнодорожниками, замолчал.

— Саргенай... Может, выйдешь здесь? — забеспокоился он.

— Да не бойся, Винца! Доберусь! — отозвался Петрюкас.

— Ладно. Только в Пабаляй не прозевай поезда, — согласился старший. Ему и самому, видно, хотелось побыть с Петрюкасом подольше.

— А женщина, та, что провожала вас, — это мама ваша? — сердито осведомилась женщина с уздами.

— Мама, — ответил старший.

— Вот отпускают детей одних... Еще попадет такой Петрюкас под колеса! — покачала она головой.

— Следующая станция — Пабаляй.

Петрюкас хотел было обнять брата — кто знает, когда они еще увидятся! — но смутился. Он вытащил из кармана блестящий складной ножик. Петрюкас даже взвизгнул от удовольствия — будет чем похвалиться перед товарищами, ведь ни у кого из них нет такого ножика!

Озорно глянув на старого лесовода, пугавшего его волками, Петрюкас стремглав кинулся к двери. Поезд еще тормозил, а он уже спрыгнул со ступенек и пустился к пыхтевшему на втором пути каунасскому вечернему.

— Вот это парень! — громко выразил свое восхищение рабочий, давно уже отложивший газету в сторону.

Пассажиры подвинулись, и Винцукас присел на краешек скамейки.

— Мальчик, а хороший у вас колхоз? — спросила женщина-бригадир, высыпая на колени парнишки горсть орехов.

— Еще бы! — не без гордости ответил Винцукас, хотя ему и не понравилось, что его назвали мальчиком. — Первый на весь район! Недавно было общее собрание, так дядя Каспарас говорил, что мы и по всей области должны быть первыми. Он так и сказал: «Не быть мне вашим председателем, если мы Гражишкинский колхоз «Пирмунас» не обгоним!»

Все пассажиры поняли, что дядя Каспарас — человек, видать, напористый, хоть гражишкинцев он до сих пор еще и не обогнал.

— А по сколько на трудодень получаете? — не унималась колхозница.

— По пять килограммов! — с нескрываемой гордостью отозвался мальчик. — А как уберем свеклу, еще выдадут сахаром и деньгами.

— Ого! — удивилась бригадирша.

Теперь она Винцукаса больше не называла мальчиком. Очевидно, уважение, которым она прониклась к колхозу, она заодно распространила и на самого Винцукаса.

— А коров сколько у вас?

— Матушка — член правления, говоришь?

Вопросы так и сыпались на парнишку, словно орехи из корзинки бригадирши, — он едва успевал отвечать.

— Гляди-ка, парень за словом в карман не лезет! — обернулся рабочий к девушке-бригадиру. — У вас в колхозе, небось, похуже? Что ты так к нему пристала с расспросами, а?

— Ну, уж и хуже! — отпарировала недовольная бригадирша. — С чего это вы взяли?

— Видать, что хуже, — поддержал рабочего и лесовод. — Ведь неспроста прилипла к парнишке, как смола.

Молодой военный тоже усмехнулся, и вот эта-то безобидная улыбка больше всего разволновала девушку.

— Да у нас сада одного пять гектаров, и пасека, и лен! — горячилась она. — Почему же это у нас хуже? Выдумают тоже!

— А электричество у вас есть? — смело перебил ее Винцукас. Тут у него даже глаза засверкали.

Колхозница, не отвечая, отвернулась к окну. Всем стало ясно, что электричества в ее колхозе нет. А перед электричеством, понятно, поблекли и пасека, и сад, и лен, которыми она только что так хвалилась.

Винцукас тотчас же принялся расписывать, как в прошлом году запрудили Русве, как у них в деревне на улицах засветились лампочки на столбах, как на ферме доят электричеством.

За окном уже заблестели звезды. В приоткрытые двери вагона потянуло холодом. Женщина с узлами, прикорнув у окна, задремала. Винцукас пристроил получше стоявший под скамейкой деревянный сундучок.

— Погостить в Вильнюс едешь? — спросил рабочий, внимательно наблюдавший за пареньком.

— Учиться! — гордо ответил Винцукас.

— А в какую школу? — вмешался лесовод.

— В железнодорожную... Хочу машинистом быть. — У Винцукаса даже глаза заблестели: — Из нашего колхоза уже несколько парней ушли в машинисты. Рипкусов Юозукас — уже настоящий машинист. А Ионукас дяди Каспараса — в кочегарах. В кочегары мне не хотелось бы, машинистом куда лучше. Юозукас рассказывал, что бывал даже за Москвой, у самого Урала... Где только он не разъезжал, каких только городов не видел! Хорошо ездить на паровозе!

— Выходит, стало быть, эти твои машинисты тебя и подбили? — спросил рабочий.

— Да... сначала, но потом уж я сам...

— А братишка твой тоже на машиниста готовится?

— Да, Петрюкас тоже.

— Наревется, небось, сейчас этот будущий машинист, — покачал старик головой.

— Нет, он у нас не рева. Он собирается электрические поезда водить, простые ему уже не нравятся, — улыбаясь, говорил Винцукас.

— Хорошее дело — учење! — отозвался старик, ласково поглядывая на парнишку. — Будь я помоложе, тоже куда-нибудь учиться подался бы.

— Хорошим машинистом будешь, Винцукас, если только захочешь, — сказал задумчиво рабочий. — Теперь вас хорошо учат. Само государство о вас заботится — учителя хорошие, книги хорошие, чертежи, мастерские... Только старайся, малый! Не ленись!

Винцукас чувствовал какое-то безотчетное доверие к грузному, широкоплечему человеку и, не замечая того, придвинулся к нему все ближе и ближе. Рабочий поглядел на прижавшегося к его плечу будущего машиниста и покачал головой:

— Помни! Я в твои годы слесарем хотел стать... — Он вздохнул и снова покачал головой. — Денег на билет не было — зайцем пришлось добираться в город. Ненастье, вьюга, а я сижу на вагонных ступеньках. В городе никто меня и не дождался. Увижу вывеску мастерской — захожу наниматься. Ну конечно, оборванный был, хилый — вот и не нравился хозяевам мастерских.

Винцукас слушал, весь подавшись вперед.

— Сжалился надо мной хозяин одной большой кузницы, — медленно вспоминал рабочий. — Почти три года мной помыкали. Хозяйке прислуживал: дрова колол, помои выносил. Никто не кормил меня, не одевал, никто не учил ничему... Уже совсем взрослым парнем был, а все у кузнечных мехов меня держали...

За окнами мелькали огни местечек и деревень. Из паровоза снопами разлетались искры и меркли совсем низко над полями.

— Трудные были времена, плохие времена! — подтвердил лесовод и откашлялся. И он, должно быть, вспомнил о своей молодости, которая, как видно, тоже была не сладкой.

— А я во время оккупации у кулака Киркиласа мучилась, — сказала успокоившаяся уже бригадирша. — Ох, если б он мне где попался, этот зверь! Зверь он был, а не человек...

Военный сидел, сосредоточенно потирая висок ладонью, и Винцукас подумал, что его юность тоже была не легкой.

«Выходит, я только один счастливый, — думал он, весь вспыхивая. — Они не могли учиться... А я могу! И Петрюкас может! И все наши ребята!»

Поезд остановился в Панеряй.

— Сейчас Вильнюс... Не боишься? — спросил лесовод будущего машиниста, собирая свои вещи.

— А чего ему бояться? — отозвался за Винцукаса рабочий. — Он учиться едет. Его город, его школа...

— Ну и матери сейчас! — очнулась спавшая женщина. — Отпустила в такую даль ребенка одного!

Будущий машинист волновался, но совсем не потому, что ехал в большой, незнакомый город. Его волновала огромная радость: через час, через день его мечты уже перестанут быть мечтами. Винцукас ничуть не боялся. Люди, которых он раньше и в глаза не видел, заботятся о нем, дают ему советы, как родные и близкие...

— Есть у тебя в городе из родни кто? — забеспокоился старый лесовод.

— Нет, — ответил Винцукас, — наша родня из деревни вся.

— Так где же ты остановишься? — засуетился и рабочий. — Ночь... куда пойдешь? Шагай со мной — переночуешь.

— Простите! — обиженно сказал лесовод и встал. — Я потому и спросил, что хотел предложить юноше ночлег в своем доме...

— Прошу прощения у всех, — перебила женщина, державшая всю дорогу узел на коленях. — Парнишка пойдет ко мне. Я сама мать, у меня у самой дети... Где твой сундучок?

Военный тоже хотел было предложить парнишке приют, но сейчас уже не решился.

— Слышь! Если будешь когда-нибудь в наших краях, заверни в наш колхоз, — сказала девушка-бригадир. Ей парнишка тоже понравился, и ей хотелось сказать ему несколько теплых слов. — Электростанцию к тому времени поставим, можешь не сомневаться. Издали свет увидишь! — Она засмеялась.

Винцукас покраснел: все о нем так заботятся! А девушку-

бригадира он совсем не собирался обижать. Ведь и они одни, как говорил дядя Каспарас на собрании, без помощи соседей не могли бы поставить электростанцию.

— Так как же решаем, товарищи? — спросил рабочий.

— Да я ведь прямо в школу! — взволнованно объявил Винцукас. Он понимал, что своим отказом обижает этих хороших людей. — Меня ведь там будут ждать. Заявление я уже недели две назад по почте послал...

«А ведь Винцукас прав, — подумал рабочий. — Пусть идет прямо в школу».

И все, кроме женщины с узлом, подумали то же самое.

— А где твоя школа? Знаешь? — спросил военный. — Мне мимо идти. Я тебя доведу. Новый пятиэтажный дом, говоришь? Да в Вильнюсе много уже таких новых пятиэтажных домов. Я вильнюсский — и то иной раз улиц не узнаю...

Темное небо начало светлеть. Точно зарево, полыхал электрический свет над невидимым еще городом. Вскоре вынырнули разноцветные огни станции, засиял, засветился город. На светлом, большом перроне суетились сотни людей.

— Не боязно? — спросил юношу рабочий, отечески улыбаясь.

— Нет, — глядя прямо перед собой, ответил Винцукас.

Может быть, он чуть-чуть и боялся бы, если бы не чувствовал, как его ладонь сжимает крепкая мужская рука. Прыгая со ступенек, он услышал:

— Хорошо учись, парнишка!

1967-68 г.

През. 1990

86419

В 115 В школе
и дома.

1953

18/IX 64 Воль

86419

НАУЧНАЯ БИБЛИОТ. КА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА

100 =
Цена ~~1~~ руб.

Обложка Л. Зусмана

Для среднего возраста

Ответственный редактор И. Кротова. Художественный редактор С. Садомская.
Технический редактор М. Кутузова. Корректор Р. Мишелевич.
Подписано к печати 18/XII 1952 г. Формат 60 × 92¹/₁₆ — 2,13 бум. = 4,25 печ. л.
(3,35 уч.-изд. л.). Тираж 100 000 экз. А08639. Заказ № 1502.
Номинал — по прейскуранту 1952 года.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Суцевский вал, 49.